

Н. В. Кондратьева (Ижевск)

**К вопросу об употреблении винительного падежа
в удмуртских письменных памятниках XVIII–XIX веков**

В современном удмуртском языке для винительного падежа характерно употребление исключительно с транзитивными глаголами. Эта связь винительного падежа с переходными глаголами является органической и взаимной: падеж прямого объекта невозможен вне сочетания с переходным глаголом, а переходный глагол приобретает смысловую законченность только при наличии указания на объект. В современном состоянии удмуртский аккузатив характеризуется относительным единством всех частных случаев употребления: он выражает объект, на который направлено или распространяется действие, а также объектно-локальные или объектно-квантитативные отношения.

Однако, несмотря на стабильность винительного падежа как падежа прямого объекта, в диахронии имеется ряд примеров, касающихся колебаний семантической нагрузки удмуртского аккузатива. В частности, мы можем говорить о возможности винительного падежа характеризовать материал, из которого сделан предмет: *Пуконъёсыз пуэз лэсьто*. 'Стулья делают из дерева' (Ислентьев 1889б: 115); *Сын сюрез лэсьтэмын*. 'Гребень сделан из кости' (Ислентьев 1889б: 114); *Дуришь кортэз дуризь тьир но кусо*. 'Из железа кузнец наковал топор и косу' (Ислентьев 1889а: 77). Данное значение в современном удмуртском языке выража-

ется при помощи разделительного падежа. К сожалению, фиксация ранних удмуртских текстов относится лишь к концу XIX века, что затрудняет уточнение времени и характера процесса замещения некоторых форм маркированного винительного падежа дублетными вариантами. Однако и те немногочисленные примеры, которые содержат реликтовые явления дистрибуции винительного падежа, позволяют говорить о том, что уже к началу XX века сложилась явная тенденция замены некоторых глагольных управлений послеложными конструкциями либо другими косвенными падежами.

На наличие дублетных вариантов прямого и косвенного объектов впервые обратил внимание Ф. Й. Видеманн, приводя в качестве примеров глаголы *юрттыны* 'помогать', *кышкатскыны* 'испугаться', *лэзыны* 'разрешить', *дышетыны* 'преподавать'. В частности: *jurty mil'emez das'ani tynyd pashaes* (здесь и далее в текстах Ф. Видеманна записи переведены на современную систему транскрипции по техническим причинам) 'помоги нам подготовить для тебя пасху' (употребление винительного падежа вместо дательного); *dyšetiskis'jos ta solen kylze kyškatskizy* 'ученики испугались этих его слов' (употребление винительного падежа вместо разделительного); *lez' sojosze... med aslyz n'an'ze bas'tozy* 'разреши им взять для себя хлеба' (варьирование винительного и дательного падежей); *uglez' val šajtanjosze verani asles'tyz todemze so s'eris'* 'не разрешал он своим демонам говорить о своих знаниях об этом' (употребление винительного падежа вместо дательного) (Wiedemann 1851: 39). В некоторых случаях, в частности при глаголе *дышетыны* 'преподавать', употребление винительного падежа вместо дательного исследователь объясняет влиянием русского языка: Ein Russicismus scheint es zu sein, wenn *dyšetyny* (lehren) die Sache in den Dativ gesetzt wird...; denn wo nicht der russische Text dasselbe Zeitwort "lehren" hat, und freier überzetzt ist, da steht, was man am natürlichsten erwartet, der Akkusativ [Wiedemann 1851: 22].

Учитывая, что в некоторых других финно-угорских языках, менее подвергшихся влиянию русского языка, в приведенных примерах сохраняется дистрибуция падежей прямого объекта, в частности в финском языке *auttaa* (partitiivi) 'помогать', *pelastya* (partitiivi) 'испугаться', *opettaa* (partitiivi) 'преподавать', *antaa* в значении разрешить (partitiivi & akkuzatiivi) и принимая утверждение исследователя о влиянии русского языка на управление некоторыми удмуртскими глаголами, можно отметить, что к кон-

цу XIX века рассматриваемые конструкции могли иметь двоякий характер: в синхронном плане как две конструкции, выражающие эквивалентные отношения, и в диахронном плане – как синтаксические средства, находящиеся в позиции исторической преемственности.

Список глаголов, ранее пёреходных, с нашей точки зрения, можно продолжить группой глаголов, при которых падежная форма служит для выражения объекта и средства действия (чаще всего в контексте лексико-семантической группой слов, выражающих названия частей тела): *гизыьртыны* 'скрежетать' (*пиньзэ* ~ *пиньыныз гизыьртйз*), *выретыны* 'пошевелить' (*кизэ* ~ *киыныз выретиз*), *кырмыштыны* 'мигнуть' (*синзэ* ~ *синмыныз кырмыштиз*), *сзэъялтыны* 'встряхнуть' (*йырызэ* ~ *йырыныз сзэъялтиз*), *шокчыны* 'вдохнуть' (*чылкыт омырез* ~ *чылкыт омырен шокчиз*), *шонтыны* 'махнуть' (*кизэ* ~ *киыныз шонтиз*), где в пользу предшествования винительного падежа творительному указывают примеры из текстов XIX века: *d'ér sezjané tagadólag rázni a fejét / den kopf schütteln (verneinend)* [Munkácsi 1896: 270]; *s'in kèrmaktèné hunyorgatni (a szemet), kacsintgatni* (мигать) [Munkácsi 1896: 457].

В удмуртско-русском словаре 1983 года издания в рассматриваемых примерах характерна дистрибуция как аккузативных, так и инструментальных показателей: *гизыьр*: *пиньёсыз* (винительный падеж) *гизыьр карыны*; *гизыьр-гизыьр*: *пиньёсын* (творительный падеж) *гизыьр-гизыьр карыны* (Удмуртско-русский словарь, 108). Подобное варьирование характерно и для современных художественных текстов: *Палбам, адыми кылэз зэм ик валам кадь, йырыныз шоналтиз*. 'Палбам, словно по-настоящему понимая человеческую речь, кивнул головой' (Клабуков, 10). – *Соиз озьы, – шуиз шофёр, йырызэ шоналтыса, – адыми аслыз ачиз оскыны кулэ*. '– Это верно, – промолвил шофер, кивнув головой, – человек должен верить в себя' (Красильников, 94).

Отдельного внимания требует лексико-семантическая группа глаголов, выражающих процесс речи, мысли и т. д.: *Ой но бёрды. Поръяй, ортчемзэ малпаса*. 'И не плакал. Лишь бродил, думая о прошлом' (Кузнецова, 19). ~ *Купец тау карыса малпаз Яуш сярись*. 'Купец с благодарностью подумал о Яуш' (Леонтьев, 177); *Георгий Ильич доры пыра, со ваньзэ вералоз*. 'Сходи к Георгию Ильичу, он все расскажет' (Красильников, 107) ~ *Лётчик ныллы яратэмез сярись вераз*. 'Летчик сказал девушке о своей любви' (Красильников, 47); *Костя кема юалляськиз егит пи-*

лэсь улэм-вылэмзэ. 'Костя долго расспрашивал молодого парня о его житье-бытье' (Красильников, 104) ~ *Толялэсь ма сярэсь юамзэ но өз вала*. 'Он даже не понял, о чем хотел спросить Толя' (Клабуков, 22).

Проанализировав и сопоставив тексты Евангелия от Матфея 1863 и 1997 года изданий, становится ясным, что в системе современного удмуртского языка частотность дистрибуции послелого *сярэсь* несколько выше, что достигается с одной стороны, простой заменой формантов винительного падежа на послеложные конструкции *kuloz kä taä igemon, mi buigatom soä til'edez no bedales' mozmytom* (Ev, 112). *Та сярэсь ивор кивалтӱсь доры вуиз ке, ми Сое оскытомы, тӱледыз но шугадӱонлэсь мозмытомы* (BC, 92), с другой стороны:

1) замещением простых предложений послеложными конструкциями: *Nošna no ud valas'kä todady no ud vais'kä vit' sukyrizä vit' s'urs murtly, ken'a no kudo oktydy* (Ev, 56). *Али но уд на валаське шат, уд ни тодӱське-а вить сюрс муртлы вить нянь сярэсь, кӧня куды нянь бичамды сярэсь* (BC, 48);

2) изменением синтаксических связей внутри синтагмы: *Noš veramyn: kin jukis'kä as kyšnoenyž, so med s'otoz soly jukis'kon gožtet* (Ev, 14). *Озыы ук шуэмын: кин кышноеныз люкиськиз ке, солы люкиськон сярэсь гожтэт мед сӱтоз* (BC, 13). *Tšukna bon luem börä vots' badžym popjos kalyklen peres'jos no kenes karyžy viiny Jisuszä* (Ev, 104). *Ӵукна вуэм бере, вань архирейӱс, калыклэн тӱроосыз Иисус пумысен, Сое виыны сӱтон сярэсь кенеш кариллям* (BC, 87);

3) заменой стержневого глагола синонимическим вариантом: *Sojos bon tynysa todono karyžy soä van' šaerazy* (Ev, 29). *Нош соос потӱллям но быдэс шаертӱзы Со сярэсь вераса ветӱллям* (BC, 25). *Soku Irod lutškem ät'ysa nodo murtjoszä turtä val sojosles' toduyn potemzä kizililes'* (Ev, 4). *Соку Ирод визьмочиосты лушкемен ӱтем но кизили потэмлэн дырыз сярэсь юалляськем* (BC, 4).

На количественную характеристику послелого *сярэсь* оказывает влияние и тот факт, что в XIX веке ему соответствовали послелого *понна, ласянь, котыр*: *ozien äñ c'ulmas'kä tsukaz'ä nunal ronpa* (Ev, 19). *Озыен эн сюлмаське ӵуказе нунал сярэсь* (BC, 17). *Dis'kut kotyr no mar s'ulmas'kys'kody* (Ev, 19). *Дӱськут сярэсь но малы сюлмаськиськоды* (BC, 17). *Ta bon so, kudlas'an gožtem van'* (Ev, 35). *Уго та со, кин сярэсь гожтэмын* (BC, 30). Закрепление первого послелого в системе литературного удмуртского языка можно объяснить его большей дистрибутивной нагрузкой,

в отличие от диалектных вариантов: “wegen, von, de”, mag wohl nicht überall gebräuchlich sein, da es im Matthäus wohl öfters vorkommt, Marcus aber gar nicht, und kann auch mit den gleich bedeutenden *s'aris'*, *ponna* ersetzt werden [Wiedemann 1851: 205].

Интересно отметить, что параллельный процесс вытеснения простых предложений сложноподчиненными с изъяснительными придаточными характерен и в области синтаксиса: *Ön kyskalä! Todsko bon ti kyškas'kody kros vyla ošem Iisuszä* (Ev, 111). *Эн кыш-калэ, мон тод'сцько, тй корт'югам Иисусэз утчаськоды шуыса* (BC, 91). Как отмечает В. К. Кельмаков, “формирование отдельных типов сложноподчиненных предложений и увеличение частотности употребления сложных конструкций за счет вытеснения ими простых предложений с оборотами (напр., традиционным предложениям типа *Мон солэсь лыктонзэ ой тоды* ‘Я не знал, что он придет’ в настоящее время, в особенности в письменной речи, явно предпочитают оформленные по русскому образцу сложноподчиненные предложения типа: *Мон ой тоды, со лыктоз шуыса*)” [Кельмаков 2000: 50].

В связи с этим, кажется возможным, что некогда более широкое употребление винительного падежа в функции выражения содержания речи приходит к постепенной замене послеложными конструкциями, на которое, в частности, может указывать невозможность экзистенции следующего высказывания в современном удмуртском языке: *Пересь-анай выжсы-кыл вераз кечен но кionэ-нэз* ‘Бабушка рассказала сказку о козе и волке’ (Ислентьев 1889а: 66). Форма *кечен но кionэнэз* содержит форму выражения совместности действия (-эн) с одной стороны, и внутреннего содержания речи (-эз) – с другой. В системе современного языка семантическую нагрузку последнего выполняет послелог *сярысь*. Учитывая вышеизложенное, кажется также допустимым, что в процессе развития удмуртского языка имело место облигаторное употребление прямого объекта при глаголах *вераны, мадьыны, малпаны, юаны: Дышетскись вераз Юсифез* (Ислентьев 1889а: 68). ‘Ученик рассказывалъ объ Юсифѣ’ (Ислентьев 1889б: 97). *Нуны малпа шудонъссэ* (Ислентьев 1889а: 82). ‘Ребенок думаетъ объ игрушкахъ’ (Ислентьев 1889б: 105). *Ми чирдъим статьяэз турым-куар сярысь гожсямез* (Ислентьев 1889а: 82). ‘Мы читали статью о растеняхъ’ (Ислентьев 1889б: 105). Однако не без влияния русского языка эта облигаторность постепенно утрачивалась, формируя при этом дуальную систему синтаксических отноше-

ний, когда глагол с послеложной конструкцией выражает внутреннее содержание суждения (по аналогии с глаголами *вераськыны, мадиськыны, малпаськыны, юаськыны*, в силу своей морфологической структуры являющихся интранзитивными (*Крестяньёс верасько ю-нянь удалтон сярись* (Ислентьев 1889а: 82) 'Крестьяне разговаривают объ урожаях' (Ислентьев 1889б: 105)); а вербальные единицы в контексте с аккузативными формантами отражают внешнюю характеристику действия.

Интересно отметить, что подобный процесс разграничения прямого и косвенного дополнений имелся и в древнерусском языке. Как отмечает А. А. Потебня, круг винительного падежа объекта в древнем языке был многим обширнее, чем теперь и что "чем далее продвигаемся в старину, тем чаще встречаем в языке отсутствие предложенных объектов" [Потебня 1958: 295–296]. Здесь исследователь имел в виду прежде всего замену винительного падежа прямого объекта при глаголах *глаголати, сказати, доложити, помянути, поучати, прорицати, указати, укорити, впрашати, слушати, спорити, злословити, думати, мыслити, разгадати, знати, помышляти* и др., в сочетании с которыми "винительный падеж был призван выражать содержание суждения, предмет речи, чувства, мысли, т. е. изъявительные отношения" [Станишева 1966: 35].

Таким образом, в качестве внутренней причины возникновения дублетных конструкций с глаголами типа *вераны*, можно отметить стремление структуры языка к разграничению функций прямого и косвенного объектов, в результате которого происходит перераспределение лексико-семантических функций дублетных вариантов.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

BC – Виль Сйзён. Стокгольм – Хельсинки: Библиез берыктонъя Институт, 1997. 778 б.

Ev – Das Evangelium des Matthäus wotjakisch mit Hilfe eines eingeborenen Wotjaken redigirt von F. J. Wiedemann. London, 1863. 112 s.

Ислентьев 1888а – Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Составиль Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Елабуга, 1888. 254 с.

Ислентьев 1888б – Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ В. Ислентьева. Въ двухъ частяхъ. Составиль Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Казань, 1889. 160 с.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удм. гос. ун-т. Ижевск: 2000. 72 с.

- Клабуков А. М.* Палбам: Верос. Ижевск: Удмуртия, 1983. 84 б.
- Красильников Г. Д.* Тонэн кылысько: Роман. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991.
- Кузнецова А. А.* Чимошур, Чимошуре: Кылбуръёс. Ижевск: Удмуртия, 1991. 98 б.
- Леонтьев А. К.* Сюрес усьтйське мынйсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск: Удмуртия, 1995. 192 б.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Наука, 1958. С. 295–296.
- Станишева Д. С.* Винительный падеж в восточно-славянских языках. София, 1966. 295 с.
- Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- Munkácsi B.* A votják nyelv szótára (Lexicon linguae votiacorum). Budapest, 1896. 836 l.
- Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.